

ПРЕВЕРЕНО
2000 г.

ИЗЪ КНИГ
ПРОФЕССОРА
М. Д. ШАРГОРОДСКОГО

А. Ю. Кони.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ

ОБЪ

Александръ Ивановичъ
ЧУПРОВЪ.

*Отдельный оттиск из III тома сборника „А. И. Чупровъ. Речь
и статьи.“*

Photogravure Bruckmann

H. Zimpf

Изъ воспоминаній объ Александрѣ Ивановичѣ Чупровѣ.

Подъ какимъ бы угломъ зрѣнія ни смотрѣть на нашу со временную русскую жизнь, нельзя отрицать въ ней одного грустнаго явленія. Постоянно увеличивающимся и усложняющимся задачамъ этой жизни вовсе не соответствуетъ количество безкорыстныхъ сѣятелей и дѣятелей. Число людей, горячо преданныхъ своему долгу не на словахъ, а на дѣлѣ, — не въ рѣдкія минуты общаго подъема, а въ обстановкѣ прозаической ежедневности, — работающихъ *ohne Hast, ohne Rast*, — гораздо менѣе, чѣмъ хочется и можно было бы ожидать. Поэтому, когда изъ «завиетливой дали» недавняго прошлаго выдѣляется образъ такого дѣятеля, его хочется оживить въ своей памяти съ радостнымъ чувствомъ, почерпая въ благодарномъ сознаніи значенія слова «были» надежду на то, что и «будутъ». Такой образъ возникаетъ въ моей памяти, когда я думаю, что скоро минетъ два года со дня неожиданной и отозвавшейся неподдѣльною скорбью въ разныхъ уголкахъ Россіи кончины Александра Ивановича Чупрова. Недостатокъ времени и отсутствіе нѣкоторыхъ необходимыхъ матеріаловъ лишили меня возможности предоставить настоящія строки редакторамъ изданія трудовъ Александра Ивановича для помѣщенія при I томѣ, и поэтому имъ оказано гостепріимство въ нынѣ выходящемъ въ свѣтъ томѣ.

Въ лицѣ Чупрова ушелъ изъ жизни одинъ изъ немногихъ оставшихся въ живыхъ «шестидесятниковъ»,— изъ тѣхъ людей, которые воспитались на началахъ, вложенныхъ въ великія реформы Александра II, и явились въ своей дѣятельности ихъ истолкователями, поборниками и защитниками въ то печальное время, когда невѣжественная самоувѣренность однихъ и услужливое предательство другихъ стремились вывѣтрить изъ этихъ началъ „духъ живъ“. Талантливый работникъ, безстрашная мысль котораго умѣла облекаться въ изящную и всеѣмъ доступную форму, какъ результатъ глубокихъ и многостороннихъ знаній, Чупровъ явилъ собою олицетвореніе профессора лучшихъ временъ московскаго университета.

Неизмѣнное благородство взглядовъ и убѣжденій и нравственное вліяніе на слушателей давали основаніе сравнивать его съ Грановскимъ и торжественно поднести ему въ подтвержденіе этого сравненія портретъ Тимоея Николаевича съ соотвѣтствующей надписью. Но въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ онъ даже превосходилъ послѣдняго: число находившихся подъ его обаяніемъ слушателей по условіямъ времени было несравненно многочисленнѣе, его печатные труды, составившіе ему почетное имя среди европейскихъ ученыхъ, были значительно богаче качественно и количественно, а область дѣятельности разнообразнѣе. Онъ былъ не только профессоромъ по кафедрѣ политической экономіи и статистики и предсѣдателемъ Статистическаго Отдѣленія московскаго юридическаго Общества, дѣятельнымъ членомъ московскаго Общества сельскаго хозяйства и комиссіи для организаціи домашнихъ чтеній при техническомъ Обществѣ, но и учителемъ, организаторомъ и насадителемъ такого сложнаго и обширнаго дѣла, какъ русская земская статистика, отцомъ которой его по справедливости можно считать. Наконецъ, возникала ли государственная потребность, гдѣ были нужны его знанія и опытъ,—какъ, на примѣръ, въ вопросѣ о выкупѣ желѣзныхъ дорогъ, объ упорядоченіи тарифовъ и въ изслѣдованіи желѣзнодорожнаго дѣла въ Россіи или при переписи москов-

скаго населенія,—его приходилось призывать на плодотворную работу; постигало ли родину какое-либо общественное бѣдствіе или являлась неотложная нужда въ средствахъ для проевѣщенія,—онъ приходилъ на помощь со своимъ спокойнымъ по внѣшности, горячимъ по существу, краснорѣчивымъ словомъ. И вмѣстѣ съ тѣмъ вездѣ, гдѣ можно было дѣлать дѣло и быть *cheville ouvrière*, оставаясь въ тѣни, неся трудъ и отдавая «оказательство» его другимъ, онъ это дѣлалъ со скромностью, ему свойственною.

Судя по воспоминаніямъ учениковъ, онъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ наминалъ и другого выдающагося московскаго профессора, незабвеннаго Никиту Ивановича Крылова. Такъ же, какъ послѣдній, онъ умѣлъ вносить жизнь въ преподаваемые имъ предметы и съ тонкостью психолога и искусствомъ художника устанавливать между слушателями и собой духовную связь, изъ которой быстро вырастало благодарное съ ихъ стороны уваженіе. Подобно тому, какъ Крыловъ, разбирая и разъясняя институты римскаго права, дѣлалъ изъ нихъ выводы для критическаго освѣщенія окружавшей дѣйствительности, такъ и Чупровъ, несмотря на строго-ученое изложеніе своего предмета, умѣлъ отзываться въ немъ на жизненные, жгучіе и наболѣвшіе вопросы современности. Въ его преподаваніи такая по внѣшности сухая наука, какъ статистика, оживала и являлась своего рода объединеніемъ не только соціальныхъ, но и естественно-историческихъ знаній и пріобрѣтала тотъ строгій характеръ, который дѣлалъ невозможнымъ дальнѣйшій услужливый подборъ цифровыхъ выводовъ, благодаря которому къ статистикѣ въ рукахъ новѣйшихъ законодательныхъ дѣльцовъ примѣнимо названіе шекспировской комедіи: «Какъ кому угодно». И это все дѣлалось имъ со спокойнымъ достоинствомъ, безъ всякаго исканія популярности, которая тѣмъ не менѣе все росла въ кругу чуткой молодежи. Въ эпоху поверхностнаго хватанія верховъ онъ ее училъ учиться; въ періоды явнаго эголизма и плохо прикрытаго карьеризма, ждавшихъ ее за порогомъ университета, онъ внушалъ ей сознаніе ея отвѣтственности передъ

родиной за тѣ свѣдѣнія и умѣніе полезно приложить ихъ къ дѣлу, которыя она обязана вынести изъ высшей школы. То же въ свое время своеобразно и въ болѣе тѣсной обстановкѣ дѣлалъ и Крыловъ. Поэтому лучи ума и сердца ихъ обоихъ долгіе-долгіе годы по оставленіи ихъ слушателями alma mater свѣтили имъ и побуждали ихъ, говоря словами Шиллера, «für die Träume seiner Jugend Achtung zu haben». При введеніи судебной реформы въ провинціи мнѣ приходилось ревизовать судебныхъ слѣдователей при судахъ стараго устройства и встрѣчать среди нихъ людей достаточно опустившихся, увязнувшихъ въ бытовой тинѣ уѣзднаго городка или большого села и тянувшихъ свою служебную лямку лишь для того, чтобы имѣть средства для безцвѣтнаго и безпросвѣтнаго существованія съ многочисленной семьей. Но стоило такому человѣку, если только онъ былъ воспитанникомъ московскаго университета, напомнить про Крылова, и онъ ображался и въ благодарныхъ воспоминаніяхъ о Никитѣ (такъ звали студенты Крылова) поднимался хоть на-время надъ прозой и пошлостью окружающей среды. Такое же впечатлѣніе, повидимому, производило на бывшихъ слушателей Чупрова воспоминаніе о немъ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ разсказъ учительницы народнаго училища Болдыревой о томъ, что, уѣзжая въ захоluste, она взяла рекомендательное письмо отъ Чупрова и съ нимъ пришла къ инспектору народныхъ училищъ, старому и обрюзгшему человѣку. Холодно взявъ письменную рекомендацію, старикъ вдругъ вскочилъ съ мѣста и воскликнулъ: «Господи! Александръ Ивановичъ Чупровъ! Да вѣдь я былъ его слушателемъ!» И онъ заходилъ по комнатамъ взадъ и впередъ, погрузившись весь въ прошлое и забывъ о присутствующихъ. Имя Чупрова и нѣсколько строкъ, написанныхъ его рукою, очевидно, всколыхнули все, что было лучшаго въ человѣкѣ, и озарили его тѣмъ свѣтомъ, который былъ такъ присущъ его старому профессору. Послѣ долгаго молчанія онъ вспомнилъ о пришедшей и, быстро подойдя къ ней, сказалъ взволнованно: «Я сдѣлаю для васъ все, что могу».

Вотъ почему, вспоминая преподавательскую дѣятельность Чупрова, приходится признать, что онъ имѣлъ бы основаніе обратиться къ своимъ слушателямъ съ тѣми же словами, которыя высказалъ своимъ ученикамъ въ Болоньѣ знаменитый Кардуччи: «Не мнѣ судить, многому ли научилъ я васъ, но я всегда старался воспитать въ васъ два принципа: сбросивъ испорченные лохмотья, въ которые часто облекается общество, умѣть видѣть въ жизни не то, что кажется, а что есть въ дѣйствительности,—ставить на первое мѣсто долгъ, а не удовольствіе,—а въ наукѣ и искусствѣ любить простоту, а не придуманность, предпочитая силу помпѣ и ставя на первое мѣсто правду и справедливость, а не славу. Принимая отъ науки все то хорошее, что она даетъ, я всегда старался поднять васъ къ идеалу и возбуждать любовь къ свѣтлымъ традиціямъ.»

Чупрова часто упрекали въ бесполезной тратѣ силъ и времени, указывая на утомительные для него и часто разорительные матеріально приемы посѣтителей. Въ опредѣленные дни и часы недѣли къ нему могъ придти всякій имѣвшій до него нужду: магистрантъ—за указаніями, студентъ—за совѣтомъ, труждающійся и обремененный—за матеріальной и нравственной помощью, соскочившій съ житейскихъ рельсовъ человекъ и даже нищій—за милостыней и вообще всякій, кому казалось, что Александръ Ивановичъ непременно ему сумѣетъ пособить въ бѣдѣ, горѣ, недоумѣніи или недостаткѣ. Со всѣми равно привѣтливый, несмотря на усталость, внимательный и участливый, несмотря на массу собственной работы, терпѣливый въ отвѣтъ на назойливость и благодушный передъ наивными вымогательствами, онъ отдавалъ себя въ распоряженіе пришедшихъ самымъ широкимъ и великодушнымъ образомъ съ неизмѣнной доброй улыбкой на прекрасномъ свѣтломъ чисто-русскомъ лицѣ. Сохранились разказы, какъ во дни его пріемовъ на дворѣ у крыльца его скромной квартиры его поджидали «бывшіе люди» и никогда не уходили отъ него съ пустыми руками. Особенно сказывалась его доброта въ нѣжномъ отношеніи его къ дѣтямъ вообще. «Гдѣ же искать

душевнаго покоя, — писалъ онъ мнѣ въ 1903 г., — какъ не въ Италіи, гдѣ все ласкаетъ глазъ впечатлительнаго человѣка — отъ свѣтлыхъ милыхъ ангельскихъ дѣтскихъ лицъ на улицахъ до ангельчиковъ у ногъ Рафаэлевскихъ мадоннъ!»

Я не помню Александра Ивановича студентомъ университета, такъ какъ окончилъ курсъ въ 1865 году, гораздо ранѣе, чѣмъ онъ. Въ первый разъ мы встрѣтились въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ у его товарища по профессурѣ И. И. Янжула, и я посѣщалъ его съ тѣхъ поръ каждый мой пріѣздъ въ Москву, — довольно частый, такъ какъ въ ней жила и впоследствии скончалась моя мать. Ея преданнымъ другомъ былъ извѣстный въ Москвѣ протоіерей Валентинъ Николаевичъ Амфитеатровъ, одинъ изъ лучшихъ людей, встрѣченныхъ мною въ жизни. Близкимъ родственникомъ ему приходился А. И. Чупровъ, и долгое время живымъ связующимъ между мною и Чупровымъ звеномъ былъ именно о. Валентинъ. Его сердечное участіе къ намъ обоимъ скрѣпляло нашу взаимную симпатію, покоившуюся на единствѣ взглядовъ на многое въ общественной жизни Россіи и на одинаковой оцѣнкѣ ея внутренняго положенія въ періодъ восьмидесятыхъ и девяностыхъ годовъ. «Я остался бы за границею и еще долѣе, — писалъ мнѣ Чупровъ въ 1900 году, — но сильно начиналъ тосковать, не видя долго Валентина Николаевича. Мнѣ отрадно, что вы не упускаете случая его повидать и доставить старику эту радость.» Упомянувъ объ Амфитеатровѣ, я не могу воздержаться, чтобы не сказать о немъ нѣсколькихъ словъ благодарнаго воспоминанія, тѣмъ болѣе, что въ очень трудныя минуты моей жизни я нашелъ у него то глубокое пониманіе душевной скорби и умѣніе отнестись къ ней съ бережнымъ врачеваніемъ, которыя, къ несчастью, рѣдко встрѣчаются у людей, облеченныхъ одинаковымъ съ нимъ саномъ, замѣняясь у нѣкоторыхъ банальными утѣшеніями богословскаго характера, за которыми слышится пресыщенное равнодушіе или умышленная узкость взгляда и видится то, что Мопассанъ охарактеризовалъ словами: «la tristesse fausse d'un prêtre pour qui le cadavre est bienfaisant». Все, что такъ украшало

наше общественное самосознаніе въ первой половинѣ шестидесятихъ годовъ, нашло себѣ отраженіе въ пылкомъ сердцѣ и восторженной душѣ Амфитеатрова. Онъ раздѣлялъ вполне мнѣніе объ этихъ годахъ Чупрова, сказавшаго въ 1888 году въ рѣчи въ московскомъ юридическомъ Обществѣ: «Все, чѣмъ красна наша жизнь, идетъ отсюда, изъ шестидесятихъ годовъ». Онъ съ умиленіемъ вспоминалъ ту благородную борьбу, которую велъ въ качествѣ калужскаго губернатора съ нехотѣвшимъ сдаваться крѣпостнымъ правомъ Викторъ Антоновичъ Арцимовичъ, за всѣми перипетіями которой онъ—въ то время молодой священникъ въ Калугѣ—слѣдилъ съ неослабѣвающимъ сочувствіемъ и вѣрою въ будущность Россіи. Изъ этого времени вынесъ онъ отзывчивость на нужды народа, скорбь о невѣжествѣ, въ которомъ послѣдній неповиненъ, и чуткую радость по поводу каждаго явленія, такъ или иначе связаннаго съ общественнымъ благомъ. Въ своей дѣятельности въ качествѣ духовнаго писателя, на котораго подозрительнымъ окомъ глядѣла духовная цензура, въ качествѣ пастыря и проповѣдника онъ стремился осуществить прекрасныя слова пастора Тальмеджа, привезшаго въ 1893 году пожертвованный американцами нашимъ голодающимъ хлѣбъ и сказавшаго въ рѣчи, обращенной въ Либавѣ къ морякамъ русской эскадры: «Религія, которая не печется о благосостояніи народа въ семъ мірѣ наравнѣ съ его благомъ въ будущей жизни, недостойна называться религіей». Высокій ростомъ, съ добрыми горящими темными глазами, съ прерывистой при волненіи рѣчью, онъ былъ настоящимъ служителемъ дѣятельной любви по отношенію къ ближнимъ и дальнимъ, къ алчущимъ духовно и нищимъ матеріально. Глядя на него, зная его, можно было усомниться хотя на-время въ печальной справедливости мнѣнія, утверждающаго, что у Христа много слугъ, но мало послѣдователей. Общее уваженіе окружало его въ Москвѣ, и слушать его поученія, приходять къ нему для покаянія было потребностью весьма многихъ. Такого человѣка слѣдовало церкви цѣнить и беречь, но, къ несчастью, наше свободное собраніе вѣрующихъ давно обра-

тилось въ официальное вѣдомство, въ которомъ культъ формы и подчиненности искажаетъ, а иногда совсѣмъ убиваетъ живой духъ христіанской любви и единенія.

Когда въ Москву былъ назначенъ митрополитомъ стаяжавшій себѣ незавидную извѣстность гоненіемъ униатовъ варшавскій архіепископъ Леонтій, начались преслѣдованія противъ отца Валентина, и размѣры прежней благотворной дѣятельности его должны были сократиться. «Со мной поступили, — писалъ онъ мнѣ 30-го сентября 1892 года, — какъ если бы поступили съ работникомъ, который нашелъ болото, осушилъ его, очистилъ, культивировалъ и началъ видѣть результаты своихъ восемнадцатилѣтнихъ заботъ, — и вдругъ у этого работника взяли бы его ниву и прогнали съ нея. И это съ грубостью жестокой, въ присутствіи постороннихъ, съ рѣзкими жестами. Въ отвѣтъ на мою просьбу оставить меня при старомъ дѣлѣ мнѣ было сказано: «Безповоротно! Если отказываешься, отчислю! Мнѣ недосугъ много говорить». Окружающіе насмѣшливо смотрѣли на меня и были довольны, что неожиданно приобрѣли анекдотъ, а на оскорблявшаго меня устремили свои глаза подобострастно, льстиво и, можетъ быть, даже благоговѣйно. До сихъ поръ мнѣ слышатся эти слова, произнесенныя звучнымъ голосомъ и въ повелительномъ тонѣ, обычномъ въ обращеніи съ уличными нарушителями порядка. Но Ваше письмо закалило меня противъ огня. Теперь буду искать дверей для своего выхода тверже и спокойнѣе, но несомнѣнно, что ближайшей дверью будетъ вѣчность». Дверь послѣ многихъ испытаній нашлась въ среду придворнаго духовенства, — и въ Архангельскомъ соборѣ московскаго Кремля отецъ Валентинъ могъ продолжать дѣло своей жизни. Однако пережитое оставило на немъ слѣды, его силы надломилась, и для нихъ пришлось искать отдыха, который могъ бы быть пополненъ кабинетнымъ трудомъ... Но судьба заставила его претерпѣть до конца и мало-по-малу отняла у него зрѣніе. «Я очень тронутъ былъ привѣтомъ, который передалъ мнѣ отъ Вашего имени Валентинъ Николаевичъ, — писалъ мнѣ Чупровъ изъ Італіи въ 1902 г. — Какъ хорошо, что Вы по-

мните и посѣщаете больного старца, доставляя тѣмъ ему великое утѣшеніе. У меня слезы навертываются при мысли о тяжелыхъ недугахъ, которые приходится переносить ему. Всего болѣе достойна жалости потеря зрѣнія. Чтеніе, и во всю жизнь, и особенно въ послѣдніе скорбные годы, составляло единственную его радость. И вдругъ лишиться этого рессурса! Послѣднее письмо, полученное мною отъ него, уже написано не имъ самимъ, а его дочерью, подъ его диктовку, и какимъ горемъ проникнуто оно! Невыразимо тяжело, что я лишень пока возможности попасть въ Москву, чтобы повидаться съ этимъ лучшимъ моимъ другомъ и наставникомъ отъ юныхъ дней.» Чѣмъ былъ для Александра Ивановича отецъ Валентинъ, видно изъ письма перваго къ нему въ томъ же 1902 году. Вотъ отрывокъ изъ этого письма, характеризующій обоихъ: «Хоть и не часто приходится мнѣ писать тебѣ, но повѣрь, мысль моя постоянно съ тобою. Вотъ и теперь, съ тѣхъ поръ, какъ я поселился въ Дрезденѣ, ты не выходишь у меня изъ головы. Тридцать лѣтъ тому назадъ, въ первые мѣсяцы моей командировки, я жилъ въ Лейпцигѣ, въ двухъ часахъ отъ Дрездена, и какъ сейчасъ помню—первое письмо, написанное по моемъ приѣздѣ въ нѣмецкій городъ, было адресовано къ тебѣ. Вспоминаю я, съ какимъ живымъ интересомъ и даже восторгомъ описывалъ я тебѣ первыя впечатлѣнія русскаго человѣка, поцавшаго за границу и первыя волненія, испытанныя на университетскихъ лекціяхъ. То было время, полное свѣтлыхъ надеждъ, и кому же мнѣ было повѣрить ихъ какъ не тебѣ, взлелѣвавшему во мнѣ съ самыхъ юныхъ лѣтъ эти надежды. Я дѣлился съ тобою лучшими душевными движеніями, хорошо зная, что никто иной не способенъ въ такой степени оцѣнить и раздѣлить ихъ, какъ ты. И какими же милыми, живыми письмами отвѣчалъ ты на мои духовные запросы. Сколько дружескаго участія, возбуждающаго поощренія заключалось въ твоихъ бисерныхъ строкахъ. А оно было такъ нужно мнѣ при тогдашнемъ положеніи! Едва прошелъ пылъ перваго увлеченія новой жизнью, какъ оказалось, что жизнь эта далеко не легка. Средства

были ничтожныя: нужно было экономить на всемъ, даже на книгѣ. Въ особенности же тѣсно было въ отношеніи времени. Министерство обязало насъ каждыя три мѣсяца представлять отчеты, предупредивъ, что, если не получится отчета, не будетъ прислано и содержанія. Отчеты требовали многихъ усилій, въ частности первый, Лейпцигскій, отнял у меня массу труда. А въ то же время нужно было изучать предметъ и думать о диссертациі. Я никогда въ жизни не былъ мастеромъ насчетъ распредѣленія своего времени, а въ молодости этого умѣнья было еще меньше, чѣмъ впоследствии. Оттого порой находило отчаяніе, которое я, помню, и изливалъ въ письмахъ къ тебѣ. Ты же своимъ задушевнымъ, ободряющимъ словомъ всегда умѣлъ поднять энергію и успокоить сомнѣнія. Вспомнилась мнѣ эта наша переписка, и мнѣ снова со всею яркостью представилось, какъ много значилъ ты въ исторіи моего духовнаго развитія, какими неизгладимыми чертами сказалось на мнѣ твое вліяніе.»

«Давно уже,—пишетъ Чупровъ мнѣ изъ Дрездена въ 1903 году,—къ моимъ чувствамъ примѣшанъ элементъ глубочайшей скорби о судьбѣ несчастнаго Валентина Николаевича. Онъ окончательно лишился зрѣнія. Мнѣ страшно будетъ увидѣть его! Письма его—сплошной вопль скорби»... Но и слѣпой, чутко и жадно прислушивался Амфитеатровъ къ шуму житейскаго прилива и отлива, и въ тревожные годы, пережитые нами, его благородное сердце,—о чемъ мнѣ не разъ писать и говорилъ Чупровъ, и какъ я самъ видѣлъ изъ его писемъ, лишь подписанныхъ дрожащимъ почеркомъ слѣпца,—билось въ согласіи съ сердцами людей, желавшихъ многострадальной родинѣ мирнаго и кореннаго обновленія. Лѣтомъ 1908 года оно перестало биться... навсегда...

Личныя свиданія мои съ Александромъ Ивановичемъ были, къ сожалѣнію моему, не часты, но съ половины девяностыхъ годовъ между нами возникла довольно оживленная переписка. Въ любовно хранимой мною пачкѣ писемъ его за послѣднія десять лѣтъ его жизни сказываются все милья черты его личности—сердечное отношеніе къ людямъ, свойственное ему

«въ человѣцѣхъ благоволеніе», стремленіе ободрить и украсить теплымъ словомъ чужой трудъ и дѣятельность; сказываются его любовь къ искусству и его неустанная работа,—звучитъ то чувство гражданина, которымъ была проникнута и эта работа, и отношеніе его къ родинѣ. Конечно, на первомъ планѣ у него стоитъ молодое учащееся поколѣніе и родной университетъ.

Первое его письмо ко мнѣ отъ 10-го ноября 1896 года начинается съ просьбы прочесть въ Москвѣ публичную лекцію въ пользу Общества вспоможенія московскимъ студентамъ, «чтобы доставить нашей молодежи нравственный подъемъ и матеріальную поддержку». — «Некренно благодарю за новости, — пишетъ онъ въ слѣдующемъ затѣмъ письмѣ, — мало въ нихъ утѣшительнаго. О нашей жизни нечего сказать: идетъ тихимъ ходомъ. Одно нѣсколько радуетъ: наша молодежь въ нынѣшнемъ году по какой-то причинѣ больше одушевлена рвеніемъ къ наукамъ. Я не запомню года, когда аудиторіи были бы такъ полны и когда находилось бы такъ много охотниковъ работать на семинаріяхъ. У меня не хватаетъ времени выслушать рефераты и разсмотрѣть работы, заявленныя слушателями. Какъ-то отрадно на старости лѣтъ видѣть такое одушевленіе.» Уже больной и слабый, до крайности утомляемый каждою двухчасовою лекціей, онъ сообщаетъ мнѣ, что пріѣхалъ въ Парижъ изъ Дрездена, чтобы исполнить свое обѣщаніе прочесть нѣсколько лекцій въ парижской Русской Школѣ общественныхъ наукъ. «Цѣлый мѣсяцъ, — пишетъ онъ, — передъ отъѣздомъ я былъ занятъ выборкой изъ моихъ матеріаловъ того, что подходитъ къ курсу, и приведеніемъ выбраннаго въ удобный для лекцій видъ. Къ сожалѣнію, не успѣлъ кончить на мѣстѣ всей подготовки и потому вынужденъ здѣсь въ Парижѣ напряженно работать въ промежуткахъ лекцій. Я уже прочелъ четыре лекціи на тему «Мелкое земледѣліе и его основныя нужды» и рассчитываю еще на восемь лекцій. Аудиторія, повидимому, интеллигентная и интересующаяся курсомъ, но, быть можетъ, мой спокойный и объективно-научный тонъ и не вполне придется

въ концѣ-концовъ ей по вкусу. Вижу, къ сожалѣнію, что для меня прошло время говорить передъ публикой.»

Когда съ началомъ лекцій осенью 1905 года московскій университетъ сдѣлался театромъ печальнѣйшихъ беспорядковъ, онъ писалъ мнѣ 26-го сентября: «Съ глубокой скорбью и болью слѣжу я за роковою драмой, разыгрывающейся въ моей родной Москвѣ и близкомъ сердцу насъ обоихъ московскомъ университетѣ. Невыразимо жаль мнѣ новаго ректора и его помощника, рѣшившихся принять на себя тяжкое бремя ответственности въ такую смутную пору. Что-то будетъ изъ нашихъ рассадниковъ проевѣщенія послѣ тѣхъ тяжелыхъ испытаній, какія выпали на ихъ долю?»

Убѣдившись въ бесплодности и неосмысленности противодѣйствія тѣмъ разнороднымъ вліяніямъ, которыя отражались на нашей судебной по существу и на кассационной дѣятельности, искажая роль сената какъ хранителя «нелицемернаго правосудія», я оставилъ въ 1900 году уголовный кассационный департаментъ, въ составѣ котораго пробылъ пятнадцать лѣтъ въ качествѣ оберъ-прокурора и сенатора. вмѣстѣ съ тѣмъ я имѣлъ намѣреніе, пользуясь званіемъ доктора уголовного права, начать читать курсъ судебной этики.

Буква закона, опредѣляя положительныя обязанности судьи и устанавливая рядъ правилъ для техники уголовного изслѣдованія, касается только въ исключительныхъ случаяхъ нравственнаго долга судьи и тѣхъ общихъ началъ, безъ соблюденія которыхъ техническая дѣятельность органовъ уголовного правосудія можетъ придти въ противорѣчіе съ коренными началами нравственности. Поэтому изученіе этихъ началъ и случаевъ примѣненія ихъ въ различныхъ процессуальныхъ дѣйствіяхъ и приемахъ имѣетъ особое значеніе, тѣмъ болѣе важное, что личные интересы и разныя «злобы дня» обладаютъ свойствомъ заслонять въ глазахъ практическихъ дѣятелей тѣ путеводныя указанія, которыя коренятся въ глубинѣ человѣческой совѣсти и должны имѣть въ виду примиреніе общественнаго блага съ правами и достоинствомъ каждаго отдѣльнаго человѣка. Этические начала судопроизводства даютъ

возможность опредѣлить духъ закона и указываютъ необходимыя условія дѣятельности органовъ правосудія. Особенно важна въ нравственномъ отношеніи область изученія поведенія судьи, ибо исполненіе судьей своего служебнаго долга—охраненіе независимости своихъ рѣшеній и стремленіе вложить въ нихъ всю доступную ему справедливость — не исчерпываютъ еще всей полноты его задачи. Современный процессъ ставитъ судью лицомъ къ лицу съ живымъ человѣкомъ. Гласность и устность внесли въ судебное производство начало непосредственнаго воспріятія матеріала для сужденія. Онѣ расшевелили и разметали по сторонамъ тотъ ворохъ бумагъ, докладовъ, протоколовъ, проектовъ резолюцій и т. п., подъ которымъ былъ прежде погребень живой человѣкъ, ставившійся лишь «номеромъ дѣла». Онѣ встали изъ-подъ этого нагроможденія письменной работы, стиравшей его личныя краски, и предстали передъ судьей вмѣстѣ со своими фактическими обличителями и заступниками—свидѣтелями. Отсюда возникъ новый элементъ судебной дѣятельности — поведеніе судьи по отношенію къ людямъ, съ которыми онѣ призваны имѣть дѣло. Это поведеніе не есть простая совокупность поступковъ, слѣдующихъ одинъ за другимъ въ порядкѣ времени, — это есть систематическій и послѣдовательный рядъ дѣяній, связанныхъ между собою однимъ и тѣмъ же побужденіемъ и одною и тою же цѣлью. Иными словами — это есть сознательный образъ дѣйствій, одинаково примѣнимый ко всемъ разнообразнымъ случаямъ судебной и судебно-бытовой жизни, предусмотрѣть и предустановить которые заранее невозможно. Поэтому положительный законъ, говорящій объ отиравленіи уголовнаго правосудія, не въ силахъ начертать образъ дѣйствій судьи во всѣхъ его проявленіяхъ. Да это и не входитъ въ его задачу. Онѣ можетъ и долженъ говорить лишь о порядкѣ, внѣшнемъ характерѣ и содержаніи отдѣльныхъ судебныхъ обрядовъ и процедуръ, распоряженій и постановленій. Онѣ намѣчаетъ служебныя обязанности органовъ правосудія по отношенію къ изслѣдованію преступленія и къ соблюденію законныхъ условій, при которыхъ совершается

постепенный переходъ нарушителя общественнаго правопорядка изъ заподозрѣннаго въ обвиняемаго, изъ обвиняемаго въ подсудимаго, а изъ подсудимаго въ осужденнаго. Въ дѣятельности судьи, однако, должны сливаться правовыя и нравственныя требованія. Правила для внѣшнихъ дѣяній, въ своемъ практическомъ осуществленіи, неминуемо отражаютъ на себѣ и внутренній строй души того, кто ихъ осуществляетъ, ибо въ каждомъ судебномъ дѣйствіи на-ряду съ вопросомъ, что слѣдуетъ произвести, возникаетъ не менѣе важный вопросъ о томъ, какъ это произвести. Чтобы не быть простымъ орудіемъ внѣшнихъ правилъ, дѣйствующимъ съ безучастною регулярностью часового механизма, судья долженъ вносить въ творимое имъ дѣло свою душу и на-ряду съ предписаніями положительнаго закона руководиться безусловными и вѣчными требованіями человѣческаго духа.

Изъ нихъ вытекаетъ справедливое отношеніе къ человѣку, выражающееся въ сознательномъ и безпристрастномъ поставленіи себя на его мѣсто въ каждомъ данномъ случаѣ и воздержаніи отъ того, чтобы дѣлать разумное существо не цѣлью, а средствомъ для достиженія постороннихъ и своихъ личныхъ цѣлей. Въ осуществленіи справедливости, въ связи съ дѣятельною любовью, нравственный долгъ сливается съ руководящимъ началомъ христіанства, предписывающаго возлюбить ближняго какъ самого себя. Вотъ почему на-ряду со служебнымъ долгомъ судебного дѣятеля вырастаетъ его нравственный долгъ. Онъ предписываетъ никогда не забывать, что объектомъ дѣйствій этого дѣятеля является прежде всего человекъ. Правосудіе не можетъ быть отрѣшено отъ справедливости, а послѣдняя состоитъ вовсе не въ одномъ правомѣрномъ примѣненіи къ доказанному дѣянію карательныхъ опредѣленій закона. Судебный дѣятель всеѣмъ своимъ образомъ дѣйствій относительно людей, къ дѣяніямъ которыхъ онъ призванъ приложить свой умъ, трудъ и власть, долженъ стремиться къ осуществленію нравственнаго закона.

Забвеніе про живого человѣка, про брата во Христвѣ, про товарища въ общемъ міровомъ существованіи, способнаго на

чувство страданія, — вмѣняетъ въ ничто и умъ, и талантъ судебного дѣятеля, и внѣшнюю, предполагаемую полезность его работы! Какъ бы ни было различно его общественное положеніе сравнительно съ положеніемъ тѣхъ, кого онъ призываетъ предъ свой судъ, какъ бы ни считалъ онъ себя безупречнымъ не только въ формальномъ, но и въ нравственномъ отношеніи, въ его душѣ должно, какъ живое напоминаніе о связи со всѣмъ окружающимъ міромъ, звучать прекрасное выраженіе браминовъ «tat twam asi» — «это тоже ты», — ты въ паденіи, ты въ несчастіи, ты въ невѣжествѣ, нищетѣ и заблужденіи, ты въ рукахъ страсти! Такимъ образомъ складывается рядъ этическихъ правилъ, образующихъ необходимую нравственную сторону въ дѣятельности судьи и его ближайшихъ помощниковъ. Поэтому слѣдуетъ изучать не только судебную технику и судебную практику, но и судебную этику, какъ ученіе о приложеніи общихъ понятій о нравственности къ той или другой отрасли специальной судебной дѣятельности.

Я написалъ обо всемъ этомъ Чупрову, и онъ отвѣчалъ мнѣ изъ Женевы въ ноябрѣ 1900 года: «Не могу вмѣстѣ со всѣми русскими людьми не пожалѣть, что Вы оставляете судебное поприще, гдѣ такъ ярко горѣлъ Вапль свѣтильникъ. Но мотивы вашего рѣшенія настолько законны и серьезны, что ни у кого не можетъ явиться мысль возражать имъ. Нужно только благодарить судьбу и Васъ, что Вы такъ долго оставались въ этой сферѣ. Нѣтъ худа безъ добра: если бы Ваше время и силы были по-прежнему поглощены текущимъ дѣломъ, нашей молодежи совсѣмъ не дождался бы Вашего курса. Дай Богъ Вамъ совсѣмъ укрѣпиться на новое благое дѣло, которое Вы затѣяли. Я отъ всей души привѣтствую Ваше намѣреніе осуществить давно жданный и давно желанный курсъ судебной этики. Кому же и говорить объ этомъ деликатномъ предметѣ, какъ не Вамъ, посвященному въ сокровенныя тайны судебного міра и вмѣстѣ съ тѣмъ сумѣвшему при всѣхъ жизненныхъ перипетіяхъ всегда неуклонно держаться на высотѣ нравственнаго идеала. Я увѣренъ, что Ваши лекціи не только

будутъ представлять величайшій интересъ, но, что еще важнѣе, окажутъ благотворное вліяніе на молодежь. Мнѣ горько, что пребываніе въ далекой странѣ лишило меня возможности попасть хотя бы на нѣсколько Вашихъ лекцій. Уповаю только на то, что Вы, быть можетъ, соберетесь издать ихъ. Горячо желаю, чтобы никакая случайность не помѣшала Вамъ исполнить благородную миссію, которую Вы рѣшились принять на себя.»

Это доброе желаніе осуществилось, однако, лишь отчасти, чему помѣшала одна изъ тѣхъ почти невѣроятныхъ случайностей, которыми богата была еще такъ недавно наша общественная жизнь. Въ 1901 году я занялъ кафедру уголовного судопроизводства въ Александровскомъ Лицеѣ въ Петербургѣ, заступивъ мѣсто профессора Фойницкаго. Весь свой курсъ я построилъ на разработкѣ началъ судебной этики, подробный обзоръ которыхъ изложилъ въ моей вступительной лекціи. Эта лекція была напечатана въ возобновленномъ по почину министра юстиціи Н. В. Муравьева «Журналѣ Министерства Юстиціи». Черезъ годъ загѣмъ я рѣшился существенныя части читаемаго въ Лицеѣ курса изложить въ видѣ двѣнадцати лекцій публично, въ пользу разнородныхъ благотворительныхъ и воспитательныхъ учрежденій, представители которыхъ часто обращались ко мнѣ объ оказаніи помощи именно въ этой формѣ. Мною руководило двоякое желаніе. Съ одной стороны, въ это время завершились засѣданія Высочайше учрежденной при министерствѣ юстиціи коммисіи по пересмотру Судебныхъ Уставовъ. При этомъ пересмотрѣ многія возвышенныя начала второй изъ великихъ реформъ Царя-Освободителя—реформы судебной—были услужливо обезцвѣчены, искажены или вовсе упразднены. Участковые судьи съ обширной подсудностью, которыми предполагалось замѣнить не только мировыхъ судей, но и въ значительной степени окружные суды, сохранивъ на-ряду съ ними земскихъ начальниковъ, облеченныхъ судебною властью, были лишены судейской несмѣняемости и отданы почти въ полное распоряженіе министра юстиціи; судъ присяжныхъ засѣдателей едва не былъ упразд-

ненъ; единство кассационной дѣятельности уничтожено; слѣдственная часть отдавалась въ руки рядовой полиціи, и судьи насильственно втискивались въ узкія общія рамки Устава о службѣ гражданской безъ обращенія вниманія на особыя свойства ихъ высокой и вмѣстѣ тяжелой дѣятельности, и т. д.

Подъ вліяніемъ «особыхъ соображеній» предѣдателя комиссіи Муравьева и въ обществѣ поддерживался неустойчивый взглядъ на коренныя учрежденія новаго судоустройства. Передавая обсужденіе вопроса о положеніи въ Россіи суда присяжныхъ съѣзду старшихъ предѣдателей и прокуроровъ палатъ, который подъ моимъ предѣдательствомъ высказался за безусловное преимущество этой формы суда, — что привело въ восторгъ Чупрова, — П. В. Муравьевъ въ то же время открывалъ страницы своего оффиціального журнала для ожесточенныхъ нападокъ на этотъ самый судъ и для недостойныхъ инвенуацій противъ его защитниковъ, — нападокъ, вызвавшихъ, наконецъ, суровый и справедливый протестъ со стороны Джаншѣева въ его брошюрѣ «Судъ надъ судомъ присяжныхъ». Все это создавало необходимость возстановить предъ многочисленными, какъ и имѣлъ основаніе надѣяться, слушателями истинный смыслъ и нравственное содержаніе тѣхъ правилъ и условій, которыми составители Судебныхъ Уставовъ обставили положеніе и дѣятельность служителей правосудія.

Съ другой стороны, судебной молодежи — кандидатамъ на судебныя должности и молодымъ адвокатамъ — было, казалось мнѣ, полезно послушать стараго судебного дѣятеля, повѣствующаго имъ по личному опыту о тѣхъ ошибкахъ, увлеченіяхъ и злоупотребленіяхъ, въ которыя — особенно въ послѣднее время — впадаютъ судебные дѣятели, когда они забываютъ о нравственныхъ началахъ, вложенныхъ въ ихъ дѣло, и, увлекаясь самолюбованіемъ, исканіемъ отличій или популярности, пренебрегаютъ великимъ завѣтомъ Гоголя: обращаться со словами честно.

По установленному порядку я обратился къ петербургскому градоначальнику съ просьбой о разрѣшеніи мнѣ этихъ лекцій, представивъ при этомъ въ видѣ программы оттискъ изъ «Жур-

нала М. Ю.», содержащей мою вступительную лекцию в Лицеѣ. Носимыя мною званія сенатора и члена Академіи Наукъ, моя ученая докторская степень, тридцатипятилѣтняя служба по судебному вѣдомству, преподавательская дѣятельность в Лицеѣ и, наконецъ, самое содержаніе предположенныхъ лекцій не допускали никакого сомнѣнія в томъ, что разрѣшеніе послѣдуетъ немедленно, подобно тому, какъ оно получалось безъ всякаго замедленія, начиная съ 1892 года, на цѣлый рядъ неоднократныхъ лекцій съ благотворительною цѣлью о докторѣ Гаазѣ, князѣ В. О. Одоевскомъ, о задачахъ Общества защиты женщинъ, о В. С. Соловьевѣ и объ Н. О. Горбуновѣ, причемъ послѣдняя лекція была мною въ 1898 году прочитана и въ залѣ министра юстиціи по его просьбѣ въ пользу благотворительнаго Общества судебного вѣдомства.

Но еще старикъ Кюнеръ учитъ насъ, что *spes est incerta et dubia*. Разрѣшеніе градоначальника не послѣдовало, а чрезъ мѣсяць послѣ моего ходатайства я получилъ слѣдующее письмо министра внутреннихъ дѣлъ отъ 13-го іюня 1902 года: «М. Г. Анатолій Федоровичъ. Ваше Превосходительство обратились къ петербургскому градоначальнику съ просьбою о разрѣшеніи на прочтеніе въ С.-Петербургѣ въ теченіе 1902 и 1903 годовъ двѣнадцати публичныхъ лекцій «О правственныхъ началахъ въ уголовномъ процессѣ». Имѣя въ виду, что намѣченный Вами предметъ чтеній ближе всего касается дѣятельности министерства юстиціи и разрабатываемыхъ имъ вопросовъ, министерство внутреннихъ дѣлъ просило по этому дѣлу заключенія министра юстиціи. Нынѣ статъ-секретарь Муравьевъ увѣдомилъ меня, что въ виду носимаго Вами званія сенатора испрашиваемое Вами разрѣшеніе могло бы послѣдовать лишь по его всеподданнѣйшему докладу, представленіемъ котораго оны однако затруднился бы, находя предположенное чтеніе публичныхъ лекцій на упомянутую тему едва ли, по обстоятельствамъ настоящаго времени, удобнымъ. Сообщая о семъ Вашему Превосходительству, прошу Васъ принять увѣреніе въ отличномъ моемъ уваженіи и совершенной преданности.—В. Плева.»

Когда я рассказалъ при ближайшемъ свиданіи Александру Ивановичу о такой, конечно, непредвидѣнной имъ «случайности», онъ былъ глубоко возмущенъ и, вопреки своему обычному внѣшнему спокойствію, очень взволнованъ, такъ что въ теченіе цѣлаго вечера часто возвращался къ этому «поразительному проявленію произвола». Въ немъ вызывало чувство негодованія развязное и вмѣстѣ лукавое ограниченіе Муравьевымъ такихъ правъ сенатора, который имѣетъ всякій неопороченный обыватель, предпринятое ad hoc съ цѣлью зажать ротъ «несогласно мыслящему» и притомъ въ самой беззастѣнчивой формѣ, — его удивляло, что министеръ внутреннихъ дѣлъ такъ охотно и необычно сдѣлался для этого послушнымъ орудіемъ, — въ немъ возбуждало глубокую грусть сознаніе, что по признанію двухъ министровъ въ Россіи наступили такія времена, когда говорить предъ молодымъ поколѣніемъ о нравственныхъ началахъ едва ли удобно! Последнее выраженіе онъ не разъ повторялъ со смѣхомъ, находя, что отказъ, такъ мотивированный, проникнуть столь узкимъ скудоуміемъ, что даже оскорбить не можетъ. Онъ радостно привѣтствовалъ меня, когда, послѣ настойчиваго домогательства моего о возобновленіи моихъ правъ на чтеніе публичныхъ лекцій и на возможность такимъ путемъ оказывать посильную помощь нуждающимся, Н. В. Муравьевъ уведѣлъ себя вынужденнымъ 13-го мая 1903 г. увѣдомить меня о послѣдовавшемъ по его докладу Высочайшемъ разрѣшеніи на чтеніе такихъ лекцій въ общеустановленномъ порядкѣ. Но однако тѣмъ временемъ прошелъ годъ, здоровье мое было сильно подорвано сердечными припадками, особенно усилившимися лѣтомъ и осенью 1903 года, и чтеніе двѣнадцати публичныхъ лекцій мнѣ стало не подъ силу, да и наступившая японская война и послѣдующія событія, безъ сомнѣнія, ослабили бы къ нимъ интересъ и онѣ не достигли бы своей цѣли. Это признавалъ и самъ Чупровъ, писавшій мнѣ изъ Дрездена въ мартѣ 1904 года: «Послѣ того состоянія здоровья, въ которомъ мнѣ случилось видѣть Васъ прошлымъ лѣтомъ въ Берлинѣ, Вамъ слѣдовало бы за-

переться въ кабинетъ и ограничить свои внѣшнія сношенія лишь предѣлами крайней необходимости, а Вы себя прибавили еще новую, невыразимо тяжелую, требующую большого нервнаго напряженія обязанность—участіе въ засѣданіяхъ городской Думы»...

Нужно ли говорить, что мысль о родинѣ вѣчно сопутствовала ему и въ его странствованіяхъ, и въ его вынужденномъ, вслѣдствіе болѣзни, пребываніи за границей.

«Я до сихъ поръ живу съ ближайшей семьей въ Дрезденѣ,—пишетъ онъ мнѣ въ мартѣ 1904 года.—Жизнь шла тихо, однообразно, въ постоянной кабинетной работѣ; но въ послѣдніе два мѣсяца это мирное житіе совершенно нарушено войной. Какъ неожиданно подкралось къ Россіи это бѣдствіе и какъ много горя грозитъ оно навлечь на нашу злополучную страну! Много болѣзненныхъ впечатлѣній приходится испытывать вамъ, петербургскимъ жителямъ, благодаря постояннымъ встрѣчамъ съ людьми, такъ или иначе прикосновенными къ войнѣ, но, пожалуй, еще тяжелѣе положеніе нашего брата, отрѣзаннаго отъ міра. Намъ приходится довольствоваться по части войны газетнымъ враньемъ, которое для наболѣвшей души становится повременамъ невыносимымъ. Человѣку чужой націи, для котораго война—лишь интересное зрѣлище, отъ этого вздора горя мало, а у нашего брата сердце кровью обливается и, какъ сплошь и рядомъ оказывается, совершенно понапрасну.»

Въ слѣдующемъ письмѣ онъ снова возвращается къ наболѣвшему вопросу.

«Эта война—точно крупное несчастье въ семьѣ: стараешься чѣмъ-нибудь отвлечь мысль, заглушить воспоминаніе о происшедшемъ; но не тутъ-то было: оно господствуетъ надъ всѣмъ твоимъ настроеніемъ и не даетъ думать ни о чемъ другомъ. Какъ-то пропадаетъ охота работать надъ внутренними вопросами, которыми вчера еще такъ живо увлекалась мысль. Полнѣйшее уединеніе, на которое я обрекъ себя въ интересахъ работы, составляетъ при нынѣшнихъ обстоятельствахъ истинное благополучіе. Отъ людей, бывающихъ здѣсь

въ обществѣ, я не разъ слышалъ въ послѣднее время жалобы на трудность сношеній съ иностранцами, которые не могутъ взять въ толкъ, какъ болѣзненъ для русскаго человѣка безучастный или высококомѣрный тонъ разговоръ о войнѣ. Впрочемъ, въ послѣднее время замѣчается какъ-будто нѣкоторая перемѣна въ настроеніи относительно Россіи.»

Его мучила мысль о необходимости и для здоровья, и для окончанія предпринятыхъ трудовъ жить вдали отъ родины, вѣсти съ которой такъ часто терзали его любящее сердце.

«Ко мнѣ опять пришла прежняя болѣзнь сердца (грудная жаба),—пишетъ онъ изъ Мюнхена подъ новый 1907 годъ,—изъ-за которой я въ свое время уѣхалъ изъ Россіи. Въ послѣднее время мнѣ пришлось пробыть два мѣсяца въ санаторіи подъ Мюнхеномъ. Около мѣсяца тому назадъ я вышелъ оттуда, но до сихъ поръ еще не совсѣмъ поправился, не выхожу изъ дому и вынужденъ соблюдать всяческую осторожность въ движеніяхъ, въ разговорахъ, въ занятіяхъ. Существованіе было бы совсѣмъ унылымъ, если бы за мною не было оставлено право читать и писать, чѣмъ я усердно и пользуюсь въ своемъ вынужденномъ уединеніи. Главнымъ источникомъ нервнаго разстройства служатъ наши русскія дѣла. Сколько пережито съ тѣхъ поръ, какъ мы въ послѣдній разъ видѣлись въ Берлинѣ, и сколько еще придется пережить, прежде нежели наше отечество дождется свободы и хоть сколько-нибудь сноснаго существованія! Кажется, нигдѣ еще трагедія всемірной исторіи не была такъ печальна, какъ у насъ. И все-таки, думается мнѣ, каждому, кто за завтрашнимъ днемъ умѣетъ видѣть послѣзавтрашній, не слѣдуетъ терять голову: среди великихъ мукъ, лучшія времена въ концѣ-концовъ наступятъ.»

Въ слѣдующемъ письмѣ онъ говоритъ: «Особенно удручаетъ меня мысль о голодѣ. Шутка сказать, третій годъ четверть Россіи собираетъ меньше десятка пудовъ на десятину. У насъ, конечно, все валяютъ на стихіи; но отчего же въ томъ же Самарскомъ уѣздѣ, гдѣ мужики собрали по 3 пуда съ десятины, мѣстный агрономъ Жуковъ на опытномъ полѣ въ

оба года получалъ больше 100 пудовъ съ десятины? Ясно, что приемы хозяйства изжили свой вѣкъ и должны быть замѣнены новыми. Такіе приемы уже выработаны и проверены; нужно только распространить ихъ. А кто же будетъ распространять, когда агрономовъ отовсюду гонять въ шею частью администрація, частью же черносотенные элементы въ земствахъ. На-ряду съ организаціей продовольственной помощи слѣдовало бы подумать объ организаціи распространенія общинныхъ и сельскохозяйственныхъ знаній въ голодномъ краѣ.»

Вся жизнь Александра Ивановича была наполнена трудомъ. Онъ и о здоровьи своемъ заботился главнымъ образомъ для исполненія своего трудового долга предъ родиной. Въ каждомъ письмѣ своемъ на-ряду съ глубоко трогавшею меня просьбою побережь мое здоровье и не растративать силы въ работѣ онъ сообщалъ о своихъ непрерывныхъ, усидчивыхъ и постоянно выступающихъ изъ первоначально намѣченныхъ рамокъ научныхъ трудахъ. Въ апрѣлѣ 1903 года онъ пишетъ: «Я провожу Пасху въ Дрезденѣ, гдѣ, вѣроятно, останусь до наступленія жаркаго времени. Всю зиму я работалъ усердно, но, къ сожалѣнію, ничего не привелъ пока къ концу. Постоянно забываешь изреченіе, которое попалось мнѣ на-дняхъ въ только-что вышедшей книгѣ Зомбарта: «*Wer ängstlich abwägt sagt gar nichts*». Все хочется захватить новые матеріалы, но въ отдѣлѣ, которымъ я занимаюсь, каждый день даетъ такъ много, что ограниченная сила духа подавляется этимъ неустаннымъ творчествомъ жизни. Какъ бы то ни было, теперь я сказалъ себѣ: «довольно», стараюсь быть слѣпъ и глухъ къ тому, что совершается въ великомъ Божьемъ мірѣ, и забочусь только о томъ, чтобы свести концы съ концами ранѣе «тризны, уже недалекой». Удастся ли это, нельзя сказать, можетъ быть, столь же неожиданно придется прослѣдовать «туда далече», какъ отошли Корелинъ, Джанпиевъ и еще на-дняхъ Духовской, словомъ, цѣлый сонмъ знакомыхъ и друзей.»

При этомъ, кромѣ печальныхъ личныхъ предчувствій, къ несчастію, вполне осуществившихся, его смущала повременамъ мысль о несоотвѣтствіи его трудовъ «злѣбѣ дня». Онъ

пишетъ въ іюль 1905 г.: «Я живу въ нынѣшнемъ году совсѣмъ по-стариковски, — хотя много работалъ въ мюнхенскихъ бібліотекахъ, но печаталъ я мало. Мнѣ чувствуется, что тѣ темы, которыми я съ особой любовью занимался въ послѣдніе годы, совсѣмъ не по времени въ настоящую пору. Кому охота читать объ интенсификаціи земледѣлія, о сельскохозяйственныхъ коопераціяхъ, о мелкомъ кредитѣ и т. п., когда всѣ умы заняты пересмотромъ основъ нашего государственнаго существованія?..» — Мысль о работѣ сопровождала его и во время отдыха и переплеталась съ восхищеніемъ природой и изученіемъ искусства. Онъ былъ великій поклонникъ Италіи. «Не соберетесь ли для возстановленія душевнаго равновѣсія за границу и въ частности въ Италію? — пишетъ онъ весною 1901 года. — Ничто такъ не бодритъ человѣка, какъ созерцаніе этихъ дивныхъ памятниковъ вѣчной красоты, остающихся во всей неприкосновенности на развалинахъ всѣхъ прочихъ человѣческихъ созданій. Погибла Флорентинская синьорія, заказавшая Гиберти его знаменитыя двери, исчезли цехи, украшавшіе церковь Орсанмикеле, сошли съ лица земли Медичисы, для которыхъ работалъ Микель-Анджело, и, однако-жь, бронзовыя «райскія врата» Балтистерія, Георгій Побѣдоносецъ Донателло и скульптуры Медицейской капеллы вызываютъ и до сихъ поръ такое восхищеніе и благоговѣніе, какое возбуждали они въ сердцахъ современниковъ. Только трудъ, направленный на возвышеніе человѣческой культуры, трудъ Галилеевъ, Данте, Рафаэлей переживаетъ вѣка, — вся же эта шумиха внѣшней и внутренней политики, такъ поглощающая вниманіе, проходитъ, какъ дымъ. Я благодаренъ судьбѣ, что она занесла меня еще разъ во Флоренцію. Здѣсь столько поучительнаго и интереснаго, что не пересмотришь въ дѣлные года. Притомъ же мнѣ приходится дѣлить время между осмотрами и собственными работами, которыя подвигаются медленнѣе, нежели я надѣялся. Немало уходитъ времени и на чтеніе по исторіи эпохи Возрожденія и особенно по тогдашней исторіи искусства. Величайшее удовольствіе доставляетъ изученіе этой исторіи въ виду тѣхъ самыхъ памятниковъ, кото-

рыхъ она касается.»—«Самую интересною частью моихъ странствованій въ 1900 году,—пишетъ онъ въ другой разъ,—была поѣздка въ маѣ по сѣверной Италиі, которую я воспользовался для изученія сельскаго кредита, сельскохозяйственныхъ ассоціацій и тамошнихъ приемовъ распространенія въ народѣ сельскохозяйственныхъ знаній: я никакъ не ожидалъ, что встрѣчу такъ много любопытнаго и получу столько живыхъ впечатлѣній. Въ лицѣ профессоровъ такъ-называемыхъ «странствующихъ кафедръ земледѣлія» я встрѣтилъ въ Падуѣ, въ Пармѣ, въ Веронѣ истинныхъ подвижниковъ, святыхъ людей, которые всѣхъ себя цѣликомъ отдали на служеніе народу. Это—нѣчто въ родѣ нашихъ земскихъ агрономовъ, но только съ гораздо болѣе широкой и болѣе активной ролью. Ихъ цѣль—распространить въ небольшомъ районѣ, гдѣ они дѣйствуютъ, между мелкими земледѣльцами рациональные сельскохозяйственные приемы, и они достигаютъ этого съ такимъ успѣхомъ, что, несмотря на недавнее начало ихъ дѣятельности, ихъ районовъ узнать нельзя. Но чего это стоитъ? Эти люди не имѣютъ покоя ни днемъ, ни ночью. Все ихъ время занято лекціями въ деревняхъ, курсами въ городахъ, веденіемъ популярнаго журнала, а главное—безчисленными совѣтами, устными и письменными, за которыми обращается къ нимъ вся округа. Миѣ сколько разъ пришлось видѣть, что творится у нихъ въ рыночные дни. Это—картина, которая напоминаетъ приемъ у любимаго народомъ земскаго врача. Несмотря на недосугъ, почтенные профессора были рады показать иностранцу все, что есть интереснаго въ ихъ мѣстности и въ ихъ дѣятельности. Меня возили по деревнямъ и дали возможность познакомиться со всякаго рода ассоціаціями, земледѣльческими школами, съ имѣніями разныхъ размѣровъ и разныхъ культуръ, со всякими слоями населенія. Въ одинъ мѣсяцъ миѣ пришлось пересмотрѣть столько, сколько я одинъ, безъ посторонней помощи, не увидѣлъ бы и въ полгода. Я вывезъ изъ этой поѣздки нѣсколько ящичковъ матеріаловъ, писанныхъ и печатныхъ. Теперь я занимаюсь ихъ обработкой для статей въ «Русскія Вѣдомости», а потомъ для отдѣльной

книги. Когда кончу этотъ трудъ, еще самъ не знаю, потому что мудрено справиться съ массою фактовъ. Очень хочется привести къ концу эту работу и кое-что подготовить для другихъ, безъ исполненія которыхъ не хочется сойти въ могилу, вѣроятно, уже недалекую.»

Любовь къ Италиі однако не ослѣпляла его и не мѣшала справедливо отнестись къ Германіи. «Она, конечно, кажется какъ-то блѣдновата послѣ долгаго пребыванія въ Италиі,—пишетъ онъ,—и небо ея сѣрѣе, и люди скучнѣе, угловатѣе, грубѣе, и всѣ ихъ продукты не имѣютъ того изящества, но есть въ этой жизни что-то покойное, удобное, сильное. Попавъ въ тѣ же мѣста послѣ семнадцати лѣтъ, я вижу прогрессъ удивительный и не показной только, а вошедшій въ бытъ, такъ сказать, переваренный пародомъ. Что это такъ, въ томъ убѣждаетъ уже одно замѣчательное, до роскоши доходящее изобиліе средствъ къ образованію,—эти дивныя бібліотеки, въ родѣ, наиримѣръ, дрезденской Гештифтунгъ, гдѣ выложено 350 журналовъ по одиному общественнымъ наукамъ, эти дворцы-читальни, въ родѣ только-что открытыхъ дрезденской и іенской, гдѣ къ услугамъ публики до 1,000 періодическихъ изданій по всѣмъ областямъ человѣческаго вѣдѣнія, всевозможныя справочныя пособія и снабженныя всяческимъ комфортомъ комнаты для отдыха и бесѣды. Германія не умомъ только, а сердцемъ поняла, что все ея богатство основано на знаніи, и не щадитъ ничего для накопленія и распространенія этого знанія. Я недавно живу въ Германіи, а могъ бы привести десятокъ фактовъ въ подтвержденіе этого изъ моихъ личныхъ наблюденій.» Но въ послѣднемъ своемъ письмѣ, уже незадолго до смерти, онъ снова возвращается къ своей милой Италиі и пишетъ: «Поѣздка въ Италию дала мнѣ массу пріятныхъ впечатлѣній и точно помолодила меня. Я очень люблю эту страну и живо интересуюсь ея судьбами. Въ Римѣ, кромѣ осмотра галлерей, музеевъ и церквей, я употреблялъ время на ознакомленіе съ новѣйшими успѣхами Италиі по части земледѣлія и аграрнаго законодательства въ спеціальныхъ бібліотекахъ, которыя любезно были

для меня открыты, и путемъ бесѣдъ со свѣдущими лицами. Привезъ я съ собой изъ Рима цѣлыхъ три пуда разнообразныхъ матеріаловъ и даже не знаю, смогу ли я воспользоваться всѣми этими благами. Очень многому можно было бы поучиться и нашимъ законодателямъ у этой страны съ ея богатымъ историческимъ прошлымъ. Самъ Римъ въ осенніе дни прекрасенъ, а особенно симпатичны въ эту пору его окрестности. Помните у Тургенева въ его «Литературныхъ воспоминаніяхъ» поѣздку съ Ивановымъ въ Альбано и Фраскати? Такіе точно «удивительные дни, недоступные ни перу, ни кисти», «съ праздничнымъ осеннимъ блескомъ» выпали и на мою долю. Съ Яникульскаго холма, съ Via Appia, съ Via Nomentana приходилось любоваться закатами, какихъ я не запомню въ своей жизни. Сама улица римская въ это время года полна живыхъ разнообразныхъ красокъ: не насмотришься на эти старыя развалины, на эти дворцы, на эту пеструю, живую народную толпу. Къ сожалѣнію, мнѣ было запрещено ходить пѣшкомъ по Риму съ его семью холмами, и я долженъ былъ пользоваться удовольствіемъ прогулокъ и осмотровъ лишь съ большой осторожностью; но я и за то благодаренъ судьбѣ, что удалось повидать.»

Безупречный, кристально-чистый человѣкъ, преданный наукѣ и родинѣ, Чупровъ имѣлъ безусловное право надѣяться на правильную оцѣнку своей личности и побужденій. Но ему пришлось именно съ этой стороны пережить тяжелыя испытанія. «Сейчасъ посылаю Вамъ,—писалъ онъ мнѣ въ 1897 г.,—только-что полученные оттиски моихъ статей въ вышедшемъ недавно изданіи департамента торговли и мануфактуръ «Вліяніе урожаяевъ и хлѣбныхъ цѣнъ на нѣкоторыя стороны русскаго народнаго хозяйства». Это изданіе исполнено по программѣ, выработанной при моемъ непосредственномъ участіи, и все сплошь проредактировано мною. Я знаю, что на него послѣдуютъ самыя рѣзкія нападки, особенно со стороны аграріевъ, но при оцѣнкѣ ихъ я прошу вѣрить одному: изданіе принято участниками единственно съ цѣлью посылить разъяснить истину въ сложномъ и важномъ вопросѣ; авторы не щадили

труда и переработали массу матеріаловъ.» — Ожиданія его сбылись, и недостойныя, почерпнутыя нѣкоторыми со дна собственной неизменной души, нападки, — и притомъ со стороны не однихъ «аграріевъ», — посыпались на него, «пустивъ шипъ по-змѣиному», какъ говорилось встарину. — Все это, къ счастью, скоро позабылось, и тщетныя попытки поколебать уваженіе къ Чупрову, представивъ его податливымъ ученымъ, пинущимъ «на заказъ» свои сомнительныя изслѣдованія, обратились въ ничто; но на него все это подѣйствовало очень сильно, хотя, по внѣшности, и мало замѣтно, подъ вліяніемъ законной гордости внутренняго сознанія по отношенію къ чужимъ, подъ вліяніемъ нѣжнаго и бережливаго участія къ своимъ. — Оно и понятно. Легче сказать общественному дѣятелю: «не обращайтесь вниманія!», чѣмъ ему это выполнить въ тайникѣ души. «N'est-ce rien pour un noble coeur, pour un esprit élevé, de se sentir hai, tandis qu'il a le droit d'être aimé comme il sent qu'il le mérite, — сказалъ въ одной изъ своихъ замѣчательныхъ рѣчей, приведенной въ «Revue Britannique», знаменитый Брайтъ, — d'entendre autour de lui les sifflements aigus de la calomnie, qui rampe dans l'ombre comme un serpent, sans qu'on puisse la saisir?!» — Черезъ полгода послѣ появленія «Вліянія урожаявъ и т. д.», во время моего пріѣзда въ Москву для чтенія публичной лекціи объ Одоевскомъ съ цѣлью увеличенія средствъ на изданіе «Вѣстника Философій и Психологій» мы проходили и просидѣли съ Чупровымъ болѣе двухъ часовъ на Пречистенскомъ бульварѣ въ бесѣдѣ объ этихъ нападкахъ, и я видѣлъ, какъ волновали онѣ его и какіе болѣзненные рубцы оставили онѣ на его нѣжной и воспріимчивой душѣ. Увы! Судьба — плохой хирургъ и не слѣдуетъ нѣмецкому правилу: «Man soll die Wunden heilen ohne die Narben zu lassen».

Всегда строгій къ себѣ и снисходительный къ людямъ, выше мѣры цѣнившій ихъ, если дѣятельность ихъ казалась ему направленною на общую пользу и если они, въ его глазахъ, не измѣняли себѣ и своимъ убѣжденіямъ съ приближеніемъ старости, — что, по его мнѣнію, было такъ же по-

стыдно, какъ красить въ преклонные годы въ другой цвѣтъ свои волосы,—онъ былъ оптимистомъ въ лучшемъ смыслѣ слова. Но этотъ оптимизмъ и широкая снисходительность простиралась, несмотря на всѣ житейскія разочарованія, лишь на людей. Къ условіямъ жизни, къ складу общественныхъ отношеній, къ соотвѣтствію учрежденій вложенной въ нихъ идеѣ онъ относился гораздо строже и признавалъ, что въ этомъ отношеніи благодушный оптимизмъ и примирительная приспособляемость часто граничатъ съ попустительствомъ. Съ теплымъ чувствомъ умѣлъ онъ вспоминать встрѣченныхъ имъ въ жизни людей, которымъ судьба дала оставить по себѣ болѣе или менѣе яркій слѣдъ. Въ этомъ отношеніи у него былъ,—столь рѣдкій у насъ, забывчивыхъ и неблагодарныхъ,—культъ «вчерашняго дня» въ томъ смыслѣ, что всѣ, кто скрашивалъ этотъ день, кто дѣлалъ его болѣе сноснымъ для людей мыслящихъ и страдающихъ, кто старался озарить его закатъ бодрой вѣрой въ лучший завтрашній день, были ему дороги и душевно близки. Въ его письмахъ ко мнѣ, въ его горячихъ отзывахъ о тѣхъ характеристикахъ, которыя я посвящалъ въ рядѣ очерковъ свѣтлымъ «людямъ вчерашняго дня», постоянно встрѣчаются теплые и прочувствованные отзывы о многихъ изъ послѣднихъ, которыхъ онъ знавалъ лично. Такъ, онъ сообщилъ мнѣ весьма цѣнные данныя о художественныхъ наклонностяхъ извѣстнаго адвоката князя А. И. Урусова и въ сердечныхъ словахъ упомянулъ К. К. Грота и В. С. Соловьева, «котораго глубоко уважалъ и очень любилъ со всѣми особенностями его тѣлеснаго и духовнаго облика, передать сущность котораго въ одухотворенномъ изображеніи не удалось ни одному изъ русскихъ живописцевъ, бравшихся за его фигуру».

Съ искренней благодарностью, со справедливой гордостью вспоминаю я доброе дружеское отношеніе Чупрова ко мнѣ,—его тревогу о моемъ очень пошатнувшемся въ послѣднее десятилѣтіе здоровьи, его настойчивые, идущіе изъ сердца совѣты «щадить себя» и пожить подольше въ Италіи или хорошемъ уголкѣ Германіи, его лестные, проникнутые теп-

лымъ сочувствіемъ отзывы о каждомъ моемъ трудѣ, появлявшемся въ печати. Особенно правилась ему, старому москвичу, книга о московскомъ филантропѣ докторѣ Гаазѣ, «являющаяся, — какъ писалъ онъ мнѣ, — самою сильною проповѣдью дѣятельной любви къ ближнему изъ всего, съ чѣмъ мнѣ пришлось познакомиться въ теченіе долгой моей жизни»; затѣмъ ему очень понравился очеркъ жизни и произведеній И. О. Горбунова. Онъ писалъ мнѣ, что перечитывалъ его нѣсколько разъ, такъ же какъ и рѣчь о Н. И. Стояновскомъ, которая «даетъ характеристику не только замѣчательной личности, но и эпохи, и притомъ такой эпохи, которой не скоро дождется въ другой разъ наша страна».

Еще за мѣсяць до кончины онъ писалъ мнѣ: «Съ великимъ удовольствіемъ прочелъ я Ваши «Воспоминанія и замѣтки судьи». Какой глубокой интересъ въ этихъ отрывкахъ житейской драмы, какая живость изложенія! Какъ-будто самъ переживаешь съ Вами это дерганье двери слѣдователемъ, это ожиданіе въ подвалѣ анатомическаго театра, этотъ арестъ Овсянникова. А мѣста объ офицерѣ, взявшемъ назадъ жалобу на отца, о котяткахъ и писарѣ Нечаевѣ, — мѣста, свидѣтельствующія, что у самыхъ жестокихъ натуръ остается что-то мягкое и человѣческое, — они перевернули мнѣ душу, какъ въ давно прошедшее время рассказъ Бретъ-Гарта о вліяніи подкинутаго младенца на шумный лагерь бездомныхъ бродягъ. Я самъ не знаю, отчего подобныя черты такъ сильно захватываютъ насъ.»

И въ трудные дни моей служебной жизни онъ поддерживалъ меня своимъ словомъ привѣта и одобренія. Давая въ сенатѣ заключенія по дѣламъ, связаннымъ съ вопросомъ о свободѣ совѣсти и религіозныхъ убѣжденій, мнѣ приходилось работать среди довольно неблагоприятныхъ условій и обстановки. Объ этомъ подробно рассказано мною въ помѣщенныхъ въ «Русской Старинѣ» нынѣшняго года, въ номерахъ II, X и XI, «Воспоминаніяхъ и замѣткахъ судебного дѣятеля», относящихся до дѣлъ объ униатахъ, штундистахъ и старообрядцахъ. Когда, путемъ печати или устно, о посылъ-

ной защитѣ мною священныхъ правъ человѣческаго духа доходило до Александра Ивановича, я немедленно получалъ отъ него письмо съ выраженіемъ цѣннаго въ нравственномъ отношеніи сочувствія. То же было и по дѣлу о нарушеніи тайны исповѣди, очень его встревожившему, въ виду довольно сильнаго стремленія нѣкоторыхъ вліятельныхъ сенаторовъ принести въ жертву переходящимъ интересамъ уголовного правосудія вѣковѣчныя, идеальныя интересы безбоязненнаго и свободнаго покаянія. Онъ горячо привѣтствовалъ защиту мною неприкосновенности тайны исповѣди, какъ «охрану святости нравственныхъ побужденій человѣка». Такъ же отнесся онъ и къ разработкѣ мною вопроса о врачебной тайнѣ на Пироговскомъ съѣздѣ и въ лекціи земскимъ врачамъ въ клиническомъ Еленинскомъ Институтѣ. Въ послѣднемъ письмѣ ко мнѣ онъ писалъ: «Мнѣ было отрадно прочесть Вашу рѣчь въ Государственномъ Совѣтѣ по поводу попечительства (о народной трезвости). Вы отстаивали правое дѣло и совершенную истину, и сила аргументовъ Вашихъ лишь увеличилась отъ формы, въ которую они были облечены. Зато какой риторикой и фальшью звучатъ нѣкоторыя возраженія Вамъ и между прочимъ елейныя слова о церковномъ пѣніи, водворяемомъ на счетъ пьянства народнаго»...

Зная правдивость и душевный складъ Чупрова, я не могъ сомнѣваться въ искренности его одобренія, и тѣмъ дороже и цѣлительнѣе бывало оно для меня. По понятнымъ соображеніямъ я не считаю возможнымъ привести здѣсь длиннаго письма изъ Берлина отъ 26-го сентября 1905 г., присланнаго мнѣ имъ по случаю сорокалѣтія моей служебной дѣятельности. Скажу одно—оно было одною изъ лучшихъ нравственныхъ наградъ за эти сорокъ лѣтъ и своими возвышенными строками заставляло забыть о камняхъ и терніяхъ жизненнаго пути за эти годы...

Послѣднее свиданіе наше произошло въ сентябрѣ 1903 года въ Берлинѣ, куда онъ нарочно пріѣхалъ изъ Дрездена, чтобы провести со мною день. Къ сожалѣнію, наша встрѣча была для меня отравлена сильнѣйшимъ сердечнымъ припадкомъ

хотя и обезсилившимъ меня на много часовъ, но давшимъ въ то же время мнѣ испытать на себѣ участливую заботу Александра Ивановича. Онъ остался, въ виду моего нездоровья, и на слѣдующій день, который мы провели неразлучно вмѣстѣ, а вечеромъ отправились въ Deutsches Theater на первое представленіе «Воскресенія» (Auferstehung) Толстого, передѣланнаго довольно талантливо и умѣло для сцены. Типичное изображеніе русской обстановки, почти полное отсутствіе неточностей въ бытовомъ отношеніи, правдивая и горячая игра артистовъ заставили насъ почти позабыть, что мы видимъ русскую драму на нѣмецкомъ языкѣ, исполняемую иностранцами, а захватывающая возвышенность содержанія сильно на насъ подѣйствовала. Въ концѣ пьесы, когда Пеклюдовъ привозитъ въ Сибирь, въ пасхальную ночь, помилованіе Катюшѣ и она великодушно отказывается слѣдовать за нимъ, когда происходитъ трогательная сцена ихъ прощанія подь звуки пасхальнаго звона, а на небѣ широко загорается сѣверное сіяніе, весь театръ былъ взволнованъ, многіе не могли удержать слезъ, да и у насъ глаза были «на мокромъ мѣстѣ». Подь этимъ впечатлѣніемъ мы и разстались. Въ бесѣдѣ въ маленькомъ сквэрѣ передь зданіемъ театра Чупровъ высказывалъ горячее желаніе поскорѣе вернуться въ Россію. Онъ предчувствовалъ, что въ ея внутреннемъ строѣ наступаетъ своего рода Auferstehung, но, конечно, не могъ предвидѣть, путемъ какихъ тяжелыхъ испытаній нашей родины она придетъ къ этому... Но прежде всего его удерживала за границей начатая работа. «Дивныя дѣла совершаются въ Россіи, — писалъ онъ мнѣ уже въ январѣ 1905 года, — невыразимо тяжело оставаться въ такую пору внѣ родины, но меня удерживаетъ сознаніе правдивной обязанности кончить работу, на которую я уже потратилъ столько силъ. Я выбралъ для зимняго житья Мюнхень съ его старыми достопочтенными библіотеками, съ его славнымъ университетомъ. Здѣсь интересный кругъ профессоровъ, бойкая научная жизнь, масса художественныхъ сокровищъ, отличная опера, изобиліе всякой музыки, хотя мнѣ мало

приходится пользоваться все́ми этими источниками развлечения, потому что вѣчно приходится сидѣть за книгой и за письменнымъ столомъ. Но уже одна мысль о возможности отдохнуть на симфоніи Гайдна или на драмѣ Шекспира ободряетъ духъ. Климатъ мюнхенскій, вопреки своей репутации, пока по мягкости не оставляетъ ничего желать, оттого и здоровье мое пока держится въ удовлетворительномъ состояніи. Работалъ я въ нынѣшнемъ году много и часть своихъ писаній подготовилъ къ печати, а въ послѣдніе мѣсяцы даже нѣсколько отвлекся отъ прямого дѣла ради газетныхъ статей, захотѣлось тряхнуть стариной, пользуясь фактически водворившейся на нѣкоторое время свободой слова.»

Къ несчастью, удовлетворительное состояніе здоровья Александра Ивановича было призрачнымъ и представляло лишь краткій отдыхъ со стороны неуклонно надвигавшагося съ 1898 года тяжелаго недуга. Еще тогда писалъ онъ мнѣ: «Ваши теплыя строки были для меня какъ бы лучомъ свѣта въ окружающую меня въ послѣднее время тьму. Вы представить себѣ не можете, какъ худо жилось мнѣ въ послѣдніе мѣсяцы. Возвратившись изъ превосходнаго четырехнедѣльнаго путешествія въ Закавказь въ послѣднихъ числахъ сентября, я засталъ моего брата въ непоправимо плохомъ состояніи. Отчасти печаль, отчасти бессонныя ночи при больномъ вызвали у меня черезъ недѣлю по пріѣздѣ тяжелую болѣзнь сердца, о которой я раньше не имѣлъ никакого представленія. Мучительный припадокъ длился у меня около двадцати часовъ сряду и такъ истомилъ меня, что мнѣ потребовалось около двухъ недѣль лежать въ постели, а потомъ столько же времени оправляться, не выходя изъ комнаты. Едва я оправился и началъ выходить, какъ снова погрузился въ заботы объ умирающемъ братѣ, но, несмотря на все усилія, онъ въ концѣ ноября скончался. Вы хорошо понимаете, какъ тяжело въ наши годы терять близкихъ людей, но лишиться человѣка, который былъ спутникомъ всей моей жизни, былъ товарищемъ все́хъ дѣлъ и помышленій съ первыхъ проблесковъ сознательнаго существованія, — это испытаніе

превыше силъ! Я едва начинаю нѣсколько отходить въ послѣдніе дни и то, главнымъ образомъ, благодаря непрерывнымъ текущимъ дѣламъ. Простите, что я такъ распространялся о своемъ горѣ, но, къ сожалѣнію, оно составляетъ пока такую мою принадлежность, отъ которой никакъ не могу отрѣшиться.»

Чрезъ десять лѣтъ недугъ, упоминаемый въ этомъ письмѣ, сломилъ свою жертву внезапно и неожиданно для близкихъ. Чупровъ чувствовалъ себя къ концу февраля (старого стиля) 1908 года нѣсколько слабымъ, но рациональный образъ жизни, предписанный врачами и строго имъ соблюдаемый, казалось, устранялъ всякую непосредственную опасность. 23-го февраля вечеромъ онъ былъ въ концертѣ и наслаждался возможностью слышать хорошую музыку, — не въ мысляхъ только, но и въ дѣйствительности, — а на другой день по чудной погодѣ пошелъ къ своему другу, профессору Лотцу. Здѣсь во время бесѣды его сразила смерть. Благородное сердце сразу перестало биться... За пятнадцать лѣтъ предъ этимъ онъ написалъ въ альбомѣ своей дочери стихотвореніе, въ которомъ указываетъ ей, что въ жизни «къ счастью прочному открыты три дороги: любить природы красоту, — трудъ имѣть любимый — и умѣть любить людей и въ радости, и въ горѣ, — съ участиемъ дружескимъ невзгоды ихъ дѣлать, — въ привѣтѣ, въ дѣйствіяхъ или въ братскомъ разговорѣ умѣть всегда себя съ другой душою слить»... Тотъ, кто лично былъ знакомъ съ нимъ, кто слышалъ и читалъ его, тотъ знаетъ, что всю жизнь онъ шелъ этими тремя путями, не зарывая въ землю даровъ своего ума и сердца... И судьба лично къ нему была милостива: когда онъ много и благотворно прошелъ этими путями, не сходя въ сторону, она дала ему — любителю природы и поклоннику искусства — въ предсмертные дни полюбоваться первою, въ предсмертные часы насладиться вторымъ — и сразу пресѣкла его чистую, любвеобильную жизнь.

А. Ѡ. Кони.

